

Социальная политика. Социальная структура

© 2024 г.

О.В. КРЫШТАНОВСКАЯ, И.А. ЛАВРОВ

ВЕРТИКАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

КРЫШТАНОВСКАЯ Ольга Викторовна – доктор социологических наук, директор (olgakrysht@yandex.ru); ЛАВРОВ Иван Андреевич – кандидат социологических наук, заместитель директора (lavrov.sociology@gmail.com). Оба – Научный центр цифровой социологии «Ядов-центр», Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Аннотация. Статья посвящена осмыслению действующих каналов вертикальной мобильности в российской политике. От их параметров и исправности работы зависят не только устойчивость, функционирование и развитие политической системы, но и поддержание легитимности правящего класса. На основе многолетнего мониторинга политической элиты был проведен анализ образовательного и профессионального опыта действующего истеблишмента, а также их географических перемещений. Общая численность изучаемой группы на 1 января 2024 г. составила 885 человек. Лучшие перспективы для восходящей траектории карьеры получают люди, рожденные в Москве, реже в Санкт-Петербурге. Люди, выросшие в регионах, для увеличения своих шансов вынуждены сначала переезжать в города-хабы, где возможности войти в элиту резко возрастают. Анализ образовательной мобильности также свидетельствует о сверхконцентрации: в рейтинге вузов, где учились будущие элитари, преобладают три университета – МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ и МГИМО. Низкой пропускной способностью отличаются и профессиональные восходящие потоки: политической карьере способствуют лишь три сферы деятельности – ЖКХ и строительство, финансы, юриспруденция. Сверхконцентрация восходящих потоков мобильности приводит к ряду негативных последствий: политическая система воспринимается гражданами страны как несправедливая, а элита делегитимируется. Сложившаяся ситуация тормозит развитие меритократических механизмов подбора кадров для истеблишмента.

Ключевые слова: Россия • элита • вертикальная мобильность • социальные лифты • геомобильность • образование • карьера • профессии • регионы

DOI: 10.31857/50132162524100039

Изучение мобильности позволяет увидеть сложившиеся иерархии, фрагментирование, миграцию, образование новых групп, циркуляционные процессы и т.п. [Урри, 2012: 344]. Изучение вертикалей, по которым движутся члены общества, обнаруживает доминирующую мотивацию, которая толкает индивидов прикладывать усилия для достижения целей, обнаруживает социальную структуру, обнажая основные платформы, обеспечивающие восходящие потоки, благодаря которым пополняются верхние страты. Каналы мобильности (социальные лифты) более очевидны для одних сфер деятельности и более скрыты для других. Например, для достижения успеха в инженерном деле

необходимо в школе выучить математику и физику, поступить в учебное заведение, которое готовит специалистов по техническим специальностям, поработать на заводе или в конструкторском бюро, там усердно трудиться, пополняя свои знания и навыки. Отчетливые лифты видны во многих профессиях: учиться по специальности, совершенствовать свой опыт, постепенно продвигаясь по эскалатору, ведущему вверх. Политика – пример иного рода. Если у вас есть намерение стать политиком, чему надо уделять внимание в школе? В какой вуз поступить? Как и где шлифовать мастерство? В политике правила игры не артикулированы, инсайдеры не склонны делиться секретами успеха с посторонними. Неясен и факт наличия работающих лифтов, ведущих на политический Олимп.

Наше предыдущее исследование¹ показало, что молодежь, которая проявляла интерес к политической карьере, убеждена: преуспеть в политике могут те, у кого есть «влиятельные знакомые», родственники, имеющие связи «наверху», или большие деньги, которые позволяют «купить должность». У нынешних поколений миллениалов и зумеров практически отсутствуют «романтические» представления о путях в политику: талант, профессионализм, образование занимают последние места, зато деньги, связи и влиятельные родственники возглавляют рейтинг «лифтов» [Лавров, Крыштановская, 2023].

Соответствует ли такое представление реальности? То, что многие наши граждане не видят входов в политику, вовсе не значит, что их нет. Все те, кто сегодня населяет высшие этажи государственного здания, как-то сделали карьеру, поднялись наверх. В этой статье мы попытаемся показать, какие пути ведут на политическую вершину, что способствует восходящей мобильности и каковы последствия этих процессов.

Мобильный поворот. Д. Урри отмечает, что «мобильности были “черным ящиком” социальных наук» [Урри, 2012: 82], рассматривались как фактор, способствующий формированию экономической, социальной и политической жизни, но не объясняющий ее. Однако различные типы мобильностей (от географических перемещений личности в пространстве до групповой социальной мобильности) пронизывают современный мир, создавая структуру существующего социума. Такой взгляд на динамическую природу социальных феноменов получил название «мобильный поворот» (mobility turn). У истоков этой парадигмы стояли Г. Зиммель [2018], И. Гоффман [2017], З. Бауман [2008] и др. Сегодня системы мобильности усложняются и переплетаются между собой. Мобильность становится не просто движением из пункта А в пункт Б, но и универсальной ценностью [Бауман, 2008]; первопричиной возникновения новых социальных классов (например, в концепции «мобилитета» [Makimoto, Manners, 1997]); «социальным ситом», обеспечивающим селекцию человеческого материала для функционирующих институтов [Сорокин, 2005].

П. Сорокин в фундаментальной работе «Социальная мобильность» выделял следующие основные каналы мобильности в обществах – армия, церковь, школа, политические партии [Сорокин, 2005]. Они обеспечивают достижение «пространства предвосхищения» [Урри, 2012: 83], «счастливых пространств» [Башляр, 2020], то есть желаемого места и статуса в общественной иерархии.

В. Парето видел в процессе циркуляции (особый вид мобильности) основу социальной стабильности общества, гарантию социального равновесия. В «Компендиуме по общей социологии» он отмечал, что правящий класс «восстанавливается не только в отношении численности, но и, что более важно, в отношении качества за счет семей из низших классов, которые вносят в него энергию и те пропорции остатков, которые ему необходимы, чтобы сохранять власть. Этот класс восстанавливается также благодаря выходу из него наиболее деградировавших членов, ... где одно из этих движений прекращается или, еще хуже, где прекращаются оба этих движения, там правящая часть устремляется к своей гибели, которая нередко влечет за собой гибель всей нации» [Парето, 2008: 313–314].

¹ Исследование было проведено в 2020 г. под руководством д.с.н. О.В. Крыштановской. В рамках этого исследования опрошено 420 представителей студенческой и рабочей молодежи в 38 крупных и малых городах Российской Федерации.

Действительно, характер и принципы мобильности обеспечивают требуемое обществом качество высших страт. Если «качество» элиты не признается удовлетворительным, рождается проблема легитимности власти. Как писал Р. Патнэм, политическая легитимность частично основывается на представлении о равенстве возможностей, и, как полагают многие политики, социологически непредставительная элита может подрывать легитимность правления [Putnam, 1976: 44]. «Если “равные возможности” роста для всех членов общества рассматриваются как базовая ценность, засорение каналов внутренней мобильности может оказаться достаточной причиной для социального взрыва» [Сергеев, 1999: 47]. Под засорением каналов мобильности можно понимать их ограниченность, стесненность, которые не позволяют обеспечить приток в высшие страты наиболее достойных представителей из классов, расположенных ниже в социальной иерархии. Засорение или полное перекрытие этих каналов нарушает баланс, препятствует презентации периферии в центре, приводит к внутриэлитному конфликту.

К анализу процесса рекрутирования элиты в разные годы обращались многие российские социологи. Так, команда ученых из Санкт-Петербурга занималась изучением «басейнов рекрутирования» федеральной административной элиты [Даугавет и др., 2016], рассматривая ее различные аспекты: Д. Тев писал, что основной базой для пополнения региональных депутатов стали местные предприниматели [Тев, 2022], А. Дука уделял внимание «этнической мобилизации» [Дука, 2014], Дм. Покатов изучал влияние протекционизма на процесс политического рекрутинга [Покатов, 2014]. И. Палитай с командой отмечал повышение роли «третьего сектора» для карьерного продвижения молодежи [Палитай и др., 2020]. Но, несмотря на эти достижения, тема сверхконцентрации потоков мобильности и связанных с этим негативных последствий остается вне поля зрения социологов и требует дальнейшего осмысления. К мало изученным темам можно отнести: количество каналов, по которым осуществляется мобильность; «ширина» этих каналов и их пропускная способность; критерии, по которым работают «социальные сита», – кого они отбирают и почему; равный доступ к социальным лифтам представителей разных социальных групп.

Наша статья – попытка рассмотреть некоторые детали восхождения в политику. Актуальность такого анализа обусловлена и тем, что социологи давно фиксируют проблемы с легитимностью высших страт современной России. Так, по данным ВЦИОМ, на сентябрь 2024 г. доверяют деятельности правительства РФ меньше половины россиян – 47,9%². А по результатам многолетнего мониторинга, проводимого ИСПИ ФНИСЦ РАН, «Как живешь, Россия?», доля россиян в 2024 г., которых полностью устраивает действующая политическая система, оценивается в 25% [Левашов и др., 2024].

Нетолерантность к властным элитам во многом связана с засорением каналов мобильности. Действует также «туннельный эффект» [Hirschman, Rothschild, 1973]: «чем лучше кажутся перспективы социальной мобильности, ...тем люди более терпимы к неравенству» [Гимпельсон, Монусова, 2014: 217]. Команда под руководством М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой по результатам масштабного всероссийского мониторинга приводит мнение россиян, уверенных, что сегодня «резко выросла роль связей и социального происхождения. Так, в 2013 г. 47,7% считали, что для успеха в жизни очень важно иметь нужные знакомства, а 21,5% – иметь политические связи. В 2019 г. эти показатели выросли до 60,9% и 35,9% соответственно» [Тихонова, 2021: 24]. Это ведет к тому, что людям, достигшим высоких позиций в социальной иерархии, россияне отказывают в признании заслуг.

Соглашаясь с этой логикой, постараемся сфокусировать внимание на причинах возникновения сверхконцентрации каналов мобильности, препарируя шаг за шагом пути, ведущие на вершину политики.

² ВЦИОМ. Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-06092024> (дата обращения: 06.09.2024).

Таблица 1

Структура генеральной совокупности мониторинга российской элиты

Действующая элита России			
Руководящие кадры Администрации Президента РФ	Члены правительства РФ	Депутаты обеих палат Федерального собрания РФ	Главы субъектов федерации
Предэлита России			
Высшие региональные чиновники	Депутаты региональных легислатур	Мэры крупных городов	«Второй этаж» федеральной бюрократии (замы)

Исследование и метод. Чтобы изучить доминирующие каналы мобильности в политической сфере, мы подвергли анализу много случаев восхождения. Традиционен для этого метод количественного биографического анализа. С 1989 г. мы изучали биографии людей, занимающих высшие посты в государстве. Каждая биография кодировалась и заносилась в базу данных «Вся элита». Данные подвергались статистической обработке, включая линейные распределения и построение трендов, подсчет индексов, статистически значимых взаимосвязей. Использовались методы сетевого анализа, строились графы, чтобы увидеть совокупности связанных факторов.

Политическую элиту РФ мы выделяли позиционным методом – брали людей, занимающих высшие государственные посты, позволяющие участвовать в принятии государственных решений. К таким постам отнесены: ответственные сотрудники Администрации президента РФ; члены кабинета министров; депутаты Федерального собрания; главы субъектов федерации; руководящие сотрудники аппаратов правительства РФ, палат Федерального собрания РФ, Совета Безопасности; руководство Конституционного и Верховного судов РФ; генеральный прокурор РФ; председатель Следственного комитета РФ и председатель Центрального банка РФ. Состав действующей элиты брался на 1 января каждого года. Всего к политической элите РФ на 01.01.2024 было отнесено 885 человек.

Исследование носит сплошной характер, то есть изучается вся генеральная совокупность. Полнота данных обеспечивалась интернет-ресурсами, которые дали возможность проводить сплошные исследования, что существенно увеличивает их точность. В качестве источников информации были использованы открытые официальные сайты государственных структур и ведомств, официальные сайты политических партий и легислатур³. Для сравнительного анализа мы использовали ретроспективные данные об элите РФ прошлых годов и биографические данные о «предэлите», в которую мы включали депутатов и высших чиновников регионального уровня, мэров крупных городов, а также «второй этаж» федеральной бюрократии (заместителей министров, руководителей федеральных ведомств и проч.) (табл. 1).

Основные «лифты» в политику. В экологии важнейшей характеристикой экосистем считают устойчивость [Одум, 1986]. Ведь проникновение в систему внешних элементов может способствовать как ее развитию, так и деградации и даже гибели [Данилов-Данильян, 2017]. Но чем обеспечивается устойчивость систем? Многие ученые полагают, что это зависит от разнообразия элементов и их связности [Николис, Пригожин, 1990: 47], т.е. чем больше разнообразие, тем стабильнее система. Если применить этот подход к социуму, логично предположить, что человеческое общество или социальная группа будет тем устойчивее, чем больше использовано разных источников ее пополнения. Устойчивость будет повышаться с расширением взаимосвязей элементов, а также с интенсификацией этих связей. Если это так, то рекрутация новых кадров из возможно большего числа

³ Официальная Россия. Сервер органов государственной власти Российской Федерации. URL: <http://www.gov.ru/> (дата обращения: 14.05.2024).

«бассейнов» и сообществ будет приводить к улучшению качеств и лучшему функционированию всей группы.

Следуя этой логике, можно утверждать, что политическая система должна считаться тем более способной к поддержанию динамического равновесия, чем разнообразней каналы, по которым акторы «пробиваются» наверх. Возникающая конкуренция создаст меритократический механизм отбора лучших, способствуя развитию и устойчивости к внешним и внутренним вызовам. В условиях слабости таких механизмов элита не может стать эффективной и легитимной. Общество будет бесконечно критиковать правящую группу, не обнаруживая в ней «лучших» людей, честно прошедших профессиональный отбор. Поскольку в наши дни легитимность элиты подвергается сомнению, изучение этих процессов чрезвычайно актуально.

Согласно нашему исследованию, основными «лифтами» в политику являются партийный активизм, образование, некоторые профессиональные сферы, определенные локации, которые предоставляют индивидам лучшие стартовые условия для взлета. Остановимся на этом подробнее.

«Счастливые пространства» и геомобильность. Наша страна гиперцентрализована по многим показателям. Центр есть средоточие денег, власти, общественных благ, комфорта. Все социальные группы России устремлены к Центру, ставя цель не просто поднять статус, но и переместиться в «счастливые пространства». Ими являются для жителей сёл и малых городов – большие города, для жителей больших городов – столицы регионов, для жителей столиц – главная столица, центр страны – Москва. Этот вектор пространственной мобильности рождает пирамиду, участники которой мотивированы перемещаться не только в социальном, но и в физическом пространстве.

Направленность миграционных потоков связана с особенностями экономики нашей страны, о сверхконцентрации которой не раз писали (напр., [Зубаревич, 2014; Аюзан, 2014]). В столичном регионе сосредоточены не только государственные органы власти (кроме Конституционного Суда), но и зарегистрированы крупнейшие компании,

Таблица 2

Топ-10 регионов происхождения представителей российской политической элиты на 01.01.2024 г., N = 885 чел.

Название региона	Рожденные	
	чел.	%
Москва	102	11,5
Украина*	43	4,9
Санкт-Петербург	35	4,0
Московская область	29	3,3
Свердловская область	26	2,9
Ростовская область	24	2,7
Республика Татарстан	23	2,6
Краснодарский край	19	2,1
Челябинская область	17	1,9
Республика Башкортостан	16	1,8

Примечание. Так как все представители российской политической элиты были рождены до 2014 г., то родившиеся в Республике Крым, Севастополе, Донецкой народной республике, Луганской народной республике, Херсонской и Запорожской областях, вступивших позднее в состав России, отнесены к категории рожденных на Украине.

учреждения культуры, расположены лучшие университеты. Все вверх идущие потоки мобильности устремлены в конечном счете в Москву. При таком устройстве социума «сделать карьеру» означает физически переместиться в центр. Для политической сферы это тем более верно.

Граждан России изначально сегрегирует место рождения. У коренных москвичей старт карьеры проходит легче, карьера развивается быстрее. В сегодняшней политической элите рождены в столице 11,5%, причем доля москвичей в этой группе постоянно повышается [Воронкова и др., 2011]. Кейс москвичей уникален еще и потому, что 63 человека из 102 не только родились в столице, но и никогда (ни для учебы, ни для работы) ее не покидали, их кругозор и опыт ограничен «взглядом москвича» на Россию. Вторая столица РФ – Санкт-Петербург – только первые пять лет президентства В.В. Путина давала небывалый приток кадров в федеральные органы власти. Затем этот процесс стал затухать. Сегодня петербуржцы значительно уступают москвичам по представленности в истеблишменте (табл. 2).

Таким образом, факт рождения в Москве во многом ключ к успешной политической карьере. Москва в процессе элитогенеза играет особую роль одновременно и «пропускного пункта», и конечной точки назначения.

Города-хабы. Чтобы попасть в Москву, люди совершают ряд перемещений в пространстве. Анализ биографических данных элиты показал, что дороги мобильности имеют разную ширину и не обеспечивают равный доступ в «счастливое пространство». Одни населенные пункты ведут в тупики, путь из других до центра извилист и долог, но есть и те, что существенно повышают шансы на успех. Такие города стягивают жителей менее влиятельных мест и местечек, и только потом позволяют совершать рывок в центр.

Для определения роли региона или населенного пункта во вверх идущей мобильности мы воспользовались *методом сетевого анализа*. На основе биографических данных были сконструированы цепочки географической мобильности каждого представителя

Таблица 3

Фрагмент базы данных геомобильности элиты

П-5	П-4	П-3	П-2	П-1	П-0
Махачкала	Борисоглебск	Новый Уренгой	Махачкала	Дербент	Москва
0	0	0	0	Благовещенск	Москва
0	0	0	Черногорск	Красноярск	Москва
0	0	0	Обнинск	Калуга	Москва
0	0	0	Мытищи	Красногорск	Москва
0	0	0	Череповец	Санкт-Петербург	Москва
0	Чурапча	Якутск	Хабаровск	Якутск	Москва
0	0	0	0	Грозный	Москва
0	0	Сыктывкар	Кирово-Чепецк	Киров	Москва
0	Новокузнецк	Новосибирск	Хабаровск	Екатеринбург	Москва
0	0	0	Изюм	Ульяновск	Москва

Примечания. Код «П» означает переход, который совершали респонденты, перемещаясь из одной географической точки в другую. Цепочки переходов выстроены слева направо. Первая точка – место рождения, последняя (П-0) является точкой назначения, то есть Москвой, где человек получал назначение на пост, который отнесен к входу в элиту. Цепочки географических перемещений расположены в хронологическом порядке. Ячейки, маркированные «0», означают, что человек не совершал перехода.

истеблишмента (см. пример на табл. 3). Цепочка представляет собой последовательный ряд населенных пунктов, между которыми совершались перемещения (они могли быть обусловлены сменой места жительства, получением образования или карьерными переходами). Ее можно представить в виде последовательности $A_1 \rightarrow A_2 \rightarrow \dots \rightarrow A_n$, где A_1 – это место рождения, а A_n – точка входа в элиту, то есть Москва. Каждый населенный пункт, участвующий в карьерных перемещениях, являлся узлом графа, каждое перемещение – векторным ребром. Максимальное количество переходов для действующей политической элиты – 16, среднее значение – 3,5.

После построения матрицы переходов были посчитаны индексы центральности населенных пунктов, участвующих в центростремительной мобильности по направлению к элите. Крупные города имеют большие значения индекса центральности (по входу, то есть переезду в это место), чем прочие узлы. Анализ индексов центральности показал, что существует небольшое количество мест, которые заметно чаще других становятся поставщиками кадров в элиту, то есть городами-мостами, которые соединяют исходную точку с Москвой. Эти города стягивают людей из других регионов и являются эффективной стартовой площадкой для проникновения в элиту. *Городами-хабами* являются прежде всего Санкт-Петербург, Екатеринбург, Краснодар, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород и ряд других (табл. 4).

В азиатской части России мы обнаружили всего четыре города-хаба – Екатеринбург, Тюмень, Новосибирск и Красноярск. Восточная Сибирь и Дальний Восток практически выключены из элитной селекции.

Города-хабы являются местом притяжения жителей других населенных пунктов, их кадровыми донорами. Если вы родом из Ханты-Мансийска, то для успешной политической

Таблица 4

Города-хабы и их кадровые доноры

Город-хаб	Показатель In Degree*	Кадровые доноры городов-хабов
1. Санкт-Петербург	116	Калининградская о., Вологодская о., Р. Карелия, Архангельская о., Р. Марий-Эл, Кировская о., Мурманская о.
2. Екатеринбург	53	Тюменская о., Кемеровская о., Курганская о., Р. Мордовия, ХМАО, Челябинская о.
3–4. Краснодар	38	Р. Адыгея, Волгоградская о., Ростовская о., Р. Чечня
3–4. Ростов-на-Дону	38	Р. Кабардино-Балкария, Р. Адыгея, Белгородская о., Р. Карачаево-Черкессия, Курская о., Орловская о., Пензенская о., Р. Северная Осетия
5. Нижний Новгород	37	Р. Башкирия, Кировская о., Р. Абхазия, Белгородская о., Воронежская о., Р. Дагестан, Р. Коми, Пензенская о., Ростовская о., Саратовская о.
6–7. Красноярск	31	Иркутская о., Р. Алтай, Томская о., Р. Тыва, Р. Хакасия
6–7. Новосибирск	31	Свердловская о., Красноярский к., Иркутская о., Кемеровская о., Омская о., Р. Якутия, Р. Алтай
8–9. Уфа	28	Краснодарский к., Р. Крым, Оренбургская о., Самарская о., Ставрополь, Челябинская о.
8–9. Саратов	28	Астраханская о., Р. Карачаево-Черкессия, Краснодарский к., Курская о., Нижегородская о., Смоленская о., Тамбовская о.
10–11. Тюмень	27	Свердловская о., ХМАО, ЯНАО, Р. Башкирия, Кемеровская о., Калужская о.
10–11. Казань	27	Р. Марий-Эл, Псковская о., Р. Чувашия

Примечание. *Показатель In Degree в ориентированном графе – общее количество входящих ребер в конкретный узел.

Рис. 1. Города-хабы, повышающие вероятность успешной политической карьеры

карьеры вам лучше переехать в Тюмень, чтобы затем попасть в Москву. Если вы родились в Чебоксарах, лучше строить карьеру, переместившись в Казань (рис. 1). То есть города-хабы – не просто крупные населенные пункты, но места аккумуляции кандидатов в истеблишмент перед переездом в точку элитной концентрации.

Предложенный метод позволяет ранжировать крупные города России по их центральности – степени влияния на успех политической карьеры. И если о статусе столицы государства написано много, то о существовании «порталов» входа в элиту мы исследований не встречали. Причины, по которым город стал хабом, предстоит изучить. Предполагаем, это связано как с персонами лоббистов, так и с местонахождением определенных университетов или организаций, сумевших стать крупными поставщиками кадров в центр.

Вывод о беспрецедентной роли Москвы для процесса элитообразования вряд ли удивит. Как говорилось, о «сверхцентрализации» и высокой концентрации богатства в России писали многие экономисты, фиксируя рост значений коэффициента Джинни⁴. Об этом предупреждали политологи [Киселев, 2007; Лапина, 2008; Григорян и др., 2020]. Вертикализация власти усиливает роль закрытых механизмов отбора, неуклонно повышает бюрократизацию системы управления страной. Нам важно другое следствие процесса: крайнее сужение круга людей, которые находятся в зоне внимания «селекционных лабораторий» государства. Ингибирование появления новых точек карьерного роста может тормозить развитие страны в целом.

Образование как «бутылочное горлышко». Г.К. Ашин отмечал, что в современном информационном обществе «высшее образование приобретает приоритетную роль в развитии отдельных стран и мирового сообщества в целом» [Ашин, 2008: 3]. В таком обществе на вершине социальной иерархии должны находиться люди, получившие лучшее университетское образование. Но так ли это в случае с современной российской политикой? Какие вузы становятся главными поставщиками кадров в отечественную элиту?

Ранее мы писали, что список лучших международно признанных вузов и список элитарных вузов (тех, которые закончила большая часть действующих представителей истеблишмента) не соответствуют друг другу [Крыштановская, Лавров, 2023]. Выпускники лучших вузов, признанных глобальными рейтинговыми агентствами, – МФТИ, МИФИ, физико-математические и естественно-научные факультеты МГУ им. Ломоносова,

⁴ В 2024 г. этот показатель в РФ вырос с 0,395 в 2022 г. до 0,399 пунктов [Росстат, 2024: 202].

не приходят в политическую элиту. Вузы, дипломы которых получают те, кто занимает важные государственные посты, не считаются самыми лучшими по качеству образования.

Согласно нашим данным, основными поставщиками кадров в российскую элиту являются Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ) – 9,8%, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ (МГИМО) – 9,2%, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ) – 5,5%, также Академия ФСБ – 1,8%. Концентрация элитных кадров в первых трех университетах выше для представителей федеральной бюрократии⁵ (24,5%), чем для электократии⁶ (7,1%). Характерно, что высокое место МГУ им. Ломоносова в элитогенезе обеспечивается не его лучшими подразделениями, а в первую очередь юридическим и экономическим факультетами, а также Институтом стран Азии и Африки (55,6% от окончивших МГУ).

Особую роль в процессе кооптации кадров в федеральную бюрократию играют военизированные учебные заведения, занятые поставкой специалистов в сфере безопасности. Сегодня люди, получившие первое высшее образование в военных и специальных училищах и академиях, составляют 10,6% элиты (в бюрократии – 13,2%, в электократии – 9,5%). Большая их часть – выпускники московских вузов: Московского высшего военного общевоинского командного училища (МВОКУ), Военного университета МО РФ и Академии ФСБ⁷. Похожая концентрация и среди отраслевых специалистов: юристов для федеральной бюрократии готовит, как правило, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, экономистов – Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова и Финансовый университет при Правительстве РФ.

Кроме указанных московских и питерских вузов, особую роль в подготовке кадров для властных структур имеет Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), которая специализируется на создании программ дополнительного образования и повышения квалификации. Здесь наблюдаема работа «социально-го сита», созданного для удовлетворения нужд государства в новых кадрах. Подобного рода система создана в советский период и состояла из «особых» учебных заведений: Академии общественных наук при ЦК КПСС, Академии народного хозяйства при правительстве СССР, сети высших партийных и комсомольских школ (ВППШ и ВКШ) [Крыштановская, 2005]. В этих заведениях не было открытого приема, абитуриентов рекомендовали партийные и комсомольские органы. Обучение в таких вузах предшествовало назначению на номенклатурную позицию. Сегодня РАНХиГС (преемник АОН при ЦК КПСС и АНХ) выполняет схожую роль, хотя, в отличие от советского времени, готовит как вполне обычных студентов, так и назначенцев, рекомендованных кадровыми ситами государства⁸. В наше время 29,7% элитариев получили высокие назначения после прохождения специальных программ РАНХиГС для политиков. В плане получения высшего образования РАНХиГС – обычный вуз. Но роль диплома РАНХиГС для лиц с высшим образованием уникальна. Это учебное заведение обладает региональной сетью отделений и филиалов, создавая дополнительные «входные ворота» для рекрутируемой элиты.

⁵ К федеральной бюрократии мы относим руководителей Администрации Президента РФ; членов Правительства РФ (включая руководителей агентств, служб и надзоров), руководство аппаратов Правительства РФ, Госдумы, Совета Федерации, Совета безопасности РФ.

⁶ К электократии – избираемой части элиты – мы относим депутатов палат Федерального собрания РФ.

⁷ Система высшего военного образования в России имеет следующие ступени: военное училище, академии родов войск и Академия Генерального штаба Министерства обороны РФ. Люди, вошедшие в элиту, прошли все эти ступени. Здесь мы говорим только о первой ступени, которая является главной дорогой для последующей карьеры. Система образования ведомств, отвечающих за безопасность, содержит латентную информацию о специальных учебных заведениях, что достойно отдельного описания.

⁸ Например, Высшая школа государственного управления РАНХиГС, так называемая «Школа губернаторов». URL: <https://my.ranepa.ru/struktura/instituty-i-fakultety/vyshshaya-shkola-gosudarstvennogo-upravleniya/> (дата обращения: 14.05.2024).

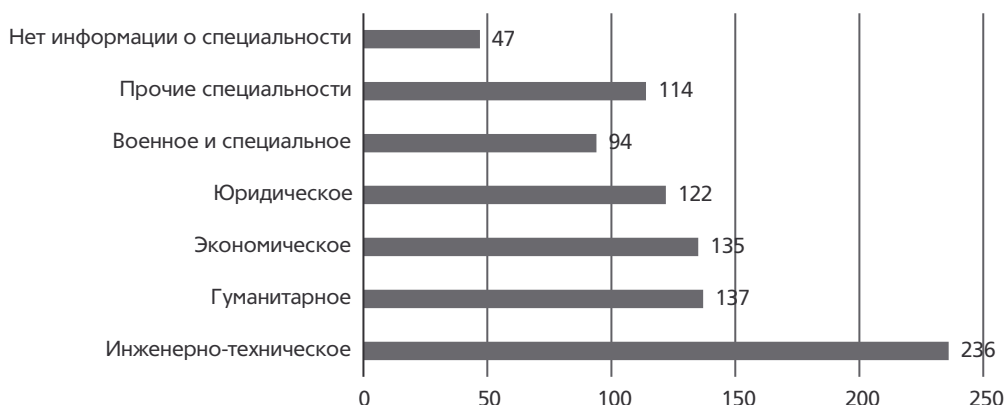

Рис. 2. Специальность по первому высшему образованию представителей действующей элиты РФ, $N = 885$

Подводя итог разделу об образовательных лифтах в политику, зафиксируем существенную концентрацию вузов, через которые можно войти в политическую элиту преимущественно в Москве, (МГУ им. Ломоносова, МГИМО МИД РФ, Академия ФСБ, МВОКУ МО РФ, Военный университет МО РФ, Финансовый университет при Правительстве РФ, РЭУ им. Плеханова) или в Санкт-Петербурге (прежде всего СПбГУ). РАНХиГС, лидер во втором высшем образовании элиты, также располагается в столице. Прочие вузы составляют незначительный процент и не могут рассматриваться как трамплин к успешной траектории политической карьеры.

Новая технократия: инженеры ЖКХ и айтишники. Посмотрим теперь на профили профессиональной подготовки, которые получили в университетах чиновники и депутаты. Здесь концентрация профессий тоже высока. Но могут ли в элиту проникать специалисты разных профилей? В советские годы в приоритете у элиты находились инженерно-технические специальности, что было связано со структурой системы высшего образования в СССР [Крыштановская, 1989]. Данные нашего исследования показывают, что и сегодня «технари» остаются самой крупной группой действующего истеблишмента – 26,7% получили техническое образование (рис. 2). Но сегодня этот тренд претерпел изменения.

В советское время номенклатура в основном абсорбировала людей с инженерно-техническим образованием и опытом работы на промышленном предприятии или в аграрном секторе. Сегодня самый «успешный» канал вертикального взлета – система жилищно-коммунального хозяйства и городского строительства. Выходцы из этой сферы в большинстве своем получают управленческие должности в регионе и неплохие шансы развития карьеры до федерального уровня.

Вторая группа инженерно-технических работников, востребованных во властных структурах, – специалисты IT-индустрии, бурно развивающейся в России. Власть, взявшая курс на цифровизацию, остро нуждается в программистах, что отражается в создании новых каналов их мобильности. Традиционные для политической элиты профессии – юристы, экономисты – остаются базовыми профессиями чиновников и депутатов, но приобретают оттенок некой *Old School*.

Организации-драйверы. Дело не только в университетских дипломах, полученной специальности, личных талантах. Часто людей наверх поднимают могущественные корпорации, в которых они работают. Самыми эффективными лоббистскими ресурсами в кадровом вопросе обладают некоторые государственные ведомства (особенно полиция, армия и органы госбезопасности), госкорпорации (Газпром, РЖД и Ростех), государственные банки (ВТБ и Сбер) (рис. 3).

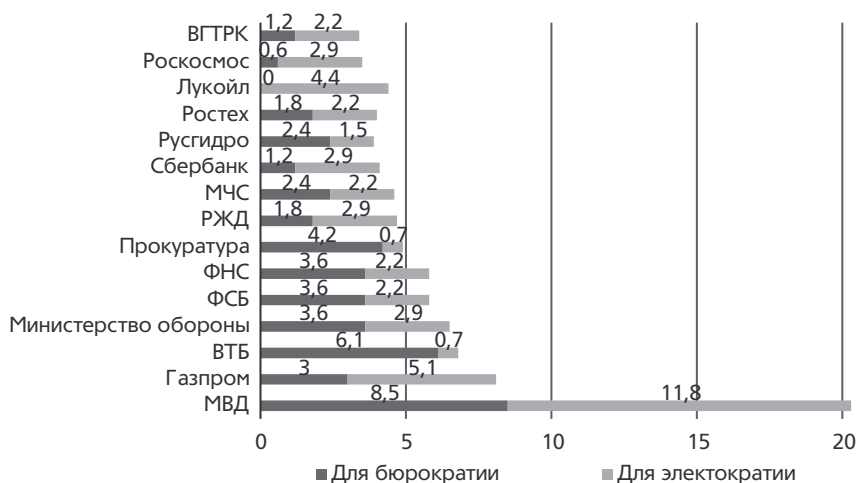

Рис. 3. Основные организации-драйверы политической карьеры своих представителей, в %

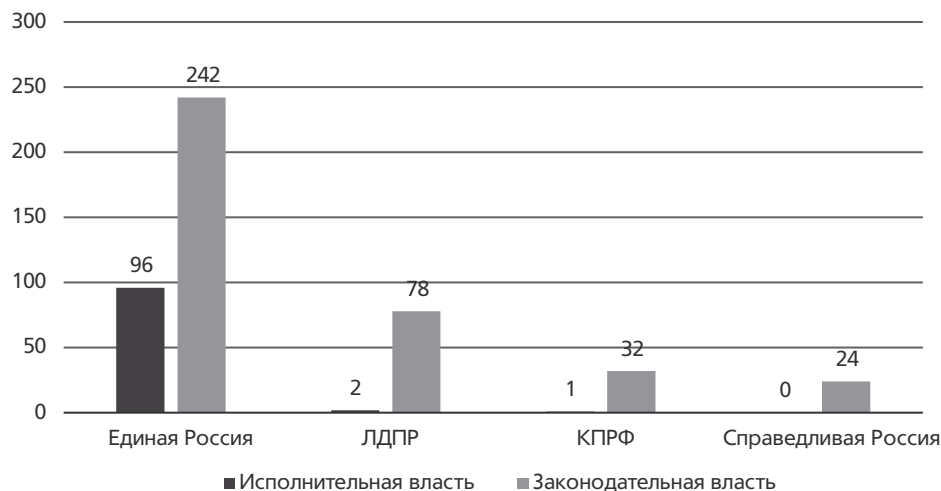

Рис. 4. Партийные лифты политической карьеры, чел.

Более 50% всех назначений людей, связанных с организациями-драйверами, приходится на пять ведомств (МВД, МО, ФСБ, ФНС, Прокуратура), ПАО «Газпром» и ВТБ. Силовые и правоохранительные ведомства в данном случае выступают не как «лифты», а как «эскалаторы». Проникновение в элиту их ставленников происходит не путем преодоления неких ведомственных «потолков», а плавно, путем скольжения от одной ступени к другой внутри ведомства, вплоть до элитной позиции. Это закрытый тип мобильности: человек, поднявшись по такому эскалатору, может не покидать границ своей материнской компании. Подъем по ведомственным эскалаторам отличается некой узостью профессионального опыта и взгляда на мир, хотя может сопровождаться и блестящими знаниями в рамках относительно узкой квалификации.

Кроме хозяйствующих субъектов и государственных структур, организациями-драйверами могут выступать партии или общественные организации. Анализ показал, что членство в «Единой России» является одним из наиболее эффективных катализаторов

политической карьеры. Прочие партии ресурсами продвижения своих людей почти не обладают. Максимум, чего могут добиться ЛДПР, КПРФ и «Справедливая Россия», – создать фракцию в Государственной Думе. Вход в бюрократию для них практически закрыт за редким исключением (рис. 4).

Обратимся теперь к «третьему сектору». Анализ биографий элитариев демонстрирует, что и здесь существует своего рода *short-list* НКО, обеспечивающих карьерный взлет. В этом списке – ООД «Общероссийский народный фронт» и Общественная палата РФ. Среди других драйверов заметное место занимают бизнес-ассоциации «Опора России» и «Деловая Россия», а также АНО «Россия – страна возможностей». Заметим, что штаб-квартиры всех этих без исключения организаций-драйверов, образующих экономический, партийно-политический и общественный кластеры, расположены в Москве.

Последствия узости троп наверх. Проанализировав каналы вертикальной мобильности, мы видим, сколь узкими являются тропы на политический Олимп: родиться и учиться в столице, иметь диплом всего трех московских вузов по трем-четырем специальностям, поработать в одной из организаций-драйверов со штаб-квартирой в Москве.

Конечно, государство всегда представляет собой пирамиду, сужающуюся кверху, конкуренция за каждое место на более высоком этаже возрастает в геометрической прогрессии. Но это не значит, что не нужны широкие дороги, которые позволят большему количеству кандидатов получить шанс на переход в более статусную страту. Чем больше возможностей роста, тем большее разнообразие кандидатов. Чем большее разнообразие кандидатов, тем лучше происходит отбор самых способных и профессиональных. А это залог устойчивости системы.

За время реформирования российского государства после краха СССР была создана система подбора и подготовки кадров для государственной службы [Лавров, 2023]. Процесс перестал быть стихийным, сеть институтов занялась рекрутацией кадров на госслужбу. Но на сегодняшний день эту систему можно охарактеризовать как ограниченную, имеющую слишком «узкие коридоры» и «бутылочные горлышки» на пути восхождения наиболее талантливых кандидатов. Вот ее основные особенности.

Привилегии для успешной политической карьеры имеют жители столиц – Москвы и, в меньшей степени, Санкт-Петербурга. В Москве родился каждый десятый член политической элиты страны (11,5%), 27,7% получали в столице высшее образование. Кроме этого, мы обнаружили пять городов-хабов, которые аккумулируют восходящие потоки кандидатов на государственные посты, чтобы затем направить их в Москву.

Высокой концентрацией отличается система образования России. Самые высокие шансы пройти селекционные «сита» имеют выпускники трех вузов – МГУ, МГИМО и СПбГУ. Семь вузов из первой десятки «элитарных» вузов (тех, которые закончили большинство элитариев) расположены в Москве, два – в Санкт-Петербурге, один – в Екатеринбурге. Ограниченность перечня элитарных вузов – свидетельство низкой пропускной способности системы подготовки кадров высшего звена.

Среди профессиональных групп самые высокие шансы войти в истеблишмент у инженеров, работающих в системе ЖКХ и ИТ, а также юристов и экономистов.

Привилегированное положение отличает сотрудников некоторых государственных ведомств и госкорпораций, которые делегируют своих представителей в органы власти. Самыми мощными организациями-драйверами «своих» людей на сегодня являются МВД РФ и ПАО «Газпром».

Наиболее эффективными лифтами в политику стали в последнее десятилетие членство в партии «Единая Россия» и аффилированность с такими общественными организациями, как Общероссийский народный фронт (ОНФ), Общественная палата РФ или АНО «Россия – страна возможностей».

Указанные пути на вершину власти – будь то локация рождения, вуз или организация-драйвер – должны быть расположены в Москве, что вызывает постоянный поток миграции высших страт общества в столицу, еще более повышая концентрацию власти

в политической системе. Из-за узости каналов мобильности она воспринимается гражданами страны как несправедливая, нарушающая принцип равных возможностей. Следствием этого является делигитимация элиты, неподражаемый характер которой ощущается гражданами России как одна из острых социальных проблем.

Для запуска меритократических механизмов отбора кадров необходимо расширить «узкие места», пустить новое вино в старые меха. В экономике сверхцентрализация мешает появляться точкам роста. В элитогенезе засорение каналов восходящей мобильности ведет к серьезным последствиям социетального характера, включая снижение доверия к власти в целом, и к представителям политического класса в частности. Для купирования рисков требуются осознанные усилия по развитию новых социальных лифтов, которые, повышая конкуренцию, приведут к иному качеству отбора кадров. Государство понимает эти потребности. В марте 2024 г. была создана новая кадровая программа «Время героев»⁹, призванная обеспечить подготовку высококвалифицированных и компетентных руководителей из числа участников СВО для последующей работы в органах государственной и муниципальной власти. На момент написания статьи первый набор участников еще не закончил обучение, поэтому мы пока не можем оценить роль этого механизма в формировании элиты. Но развитие системы происходит, давая надежду на приток новых людей на высшие государственные должности и на развитие меритократических трендов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А.А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М.: МИФ, 2014.
- Ашин Г.К. Элитный университет в системе элитного образования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 1. С. 31–49.
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.
- Воронкова О.А., Сидорова А.А., Крыштановская О.В. Российский истеблишмент: пути и методы обновления // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 66–79.
- Гимпельсон В.Е., Монусова Г.А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 18, № 2. С. 216–248.
- Гоффман И. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ. М.: Элементарные формы, 2017.
- Григорян Д.К., Крицкая А.А. и др. Централизация власти как результат развития современной элиты России // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 2А. С. 24–31.
- Данилов-Данильян В.И. Об устойчивости экосистем // Экосистема: экология и динамика. 2017. Т. 2. № 1. С. 5–12.
- Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и инновационный потенциал // Власть и элиты. 2016. № 3. С. 121–186.
- Дука А.В. Постсоветская элита: институционализация и рекрутирование // Политические институты России и Франции: традиции и современность / Под ред. Д.В. Ефременко, Н.Ю. Лапина. М.: ИНИОН РАН. 2014. С. 203–228.
- Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018.
- Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2014. № 4 (478). С. 7–27.
- Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
- Крыштановская О.В. Инженеры: становление и развитие профессиональной группы. М.: Наука, 1989.
- Крыштановская О.В., Лавров И.А. Высшее образование в России: элитное vs элитарное? // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32. № 4. С. 138–159.
- Лавров И.А. Институционализация формирования политико-управленческой элиты в современной России. Дисс. ... канд. соц. наук. М.: РГГУ, 2023.
- Лавров И.А., Крыштановская О.В. Социальная мобильность и конкурс «Лидеры России» // Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15. № 2. С. 292–310.

⁹ Высшая школа государственного управления «Время героев». URL: <https://времягероев.рф> (дата обращения: 04.09.2024).

- Лапина Н.Ю. Централизация власти в России: как реализовывался политический проект? // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2008. Т. 8. № 1. С. 137–149.
- Левашов В.К., Великая Н.М. и др. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 54 этап социологического мониторинга, апрель 2024 года. М.: ФНИСЦ РАН, 2024.
- Николис Г., Пригожин И.Р. Познавание сложного. М.: Мир, 1990.
- Одум Ю.П. Экология. М.: Мир, 1986.
- Палитай И.С., Попова С.Ю., Селезнева А.В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник ТГУ. 2020. № 455. С. 68–77.
- Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: НИУ ВШЭ, 2008.
- Покатов Д.В. Политический рекрутинг в России (XX – начало XXI века) // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер. «Социология. Политология». 2014. Т. 14. № 3. С. 19–23.
- Росстат. Социально-экономическое положение России. Январь – апрель 2024 года. М.: Росстат, 2024.
- Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: МОНФ, 1999.
- Сорокин П.А. Социальная мобильность. М.: Academia, 2005.
- Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: карьерные пути и каналы рекрутирования // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 115–130.
- Тихонова Н.Е. Субъективная стратификация российского общества: состояние, динамика, ключевые проблемы: аналитический доклад М.: НИУ ВШЭ, 2021.
- Урри Д. Мобильности. М.: Практис, 2012.
- Федерализм и централизация / Под ред. К.В. Киселева. Екатеринбург: УрО РАН, 2007.
- Hirschman A.O., Rothschild M. The changing tolerance for income inequality in the course of economic development: With a mathematical appendix // The Quarterly Journal of Economics. 1973. Vol. 87. No. 4. P. 544–566.
- Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. N.J.: Wiley, 1997.
- Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. N.J.: Prentice-Hall, 1976

Статья поступила: 14.08.24. Финальная версия: 19.09.24. Принята к печати: 27.09.24.

VERTICAL MOBILITY IN RUSSIAN POLITICS

KRYSHTANOVSKAYA O.V.*, LAVROV I.A.*

*Russian State University for the Humanities, Russia

Olga V. KRYSHTANOVSKAYA, Dr. Sci (Sociol.), Director (olgakrysht@yandex.ru); Ivan A. LAVROV, Cand. Sci. (Sociol.), Deputy director (lavrov.sociology@gmail.com). Both – Scientific Center of Digital Sociology “Yadov-center”, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Abstract. The article is devoted to the comprehension of the current vertical mobility channels in Russian politics. Not only the stability, functioning and development of the political system, but also the maintenance of the legitimacy of the ruling class depend on their parameters and efficiency. Based on long-term monitoring of the political elite recruitment, we analyzed the educational and professional experience of the current establishment members, as well as their geographical mobility. Total number of the studied group as of 01.01.2024 amounted to 885 people. The best prospects for an upward career trajectory are given to people born in Moscow, less often in St. Petersburg. People who grew up in the regions, to increase their chances, must move to 5 hub cities, from which their opportunities to enter the elite sharply increase. Our analysis of educational mobility also shows overconcentration: three universities prevail in the rating of elite universities – Lomonosov Moscow State University, St. Petersburg State University and MGIMO University. Professional upward flows are also characterized by low throughput: political career is promoted by three spheres of activity – housing, utilities and construction, finance and law. Overconcentration of upward mobility flows leads to negative consequences: the political system is perceived by citizens as unfair; the elite is largely delegitimized. This situation also hinders the development of meritocratic mechanisms selecting personnel for the establishment. To optimize the selection process, it is necessary to strengthen competition in selection, which will improve the quality of incorporated personnel and increase the ability of the system to withstand threats and challenges.

Keywords: Russia, elite, vertical mobility, social lifts, geomobility, education, career, professions, regions.

REFERENCES

- Ashin G.K. (2008) Elite university in the system of elite education. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 11. No. 1: 31–49. (In Russ.)
- Auzan A.A. (2014) *The Economics of Everything. How institutions shape our lives*. Moscow: MIF. (In Russ.)
- Bachelard G. (2020) *The Poetics of Space*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Danilov-Danil'yan V.I. (2017) On the sustainability of ecosystems. *Ekosistema: ekologiya i dinamika* [Ecosystem: ecology and dynamics]. Vol. 2. No. 1: 5–12. (In Russ.)
- Daugavet A.B., Duka A.V., Tev D.B. (2016) The regional power groups: Main socio-structural characteristics and innovation potential. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. No. 3: 121–186. (In Russ.)
- Duka A.V. (2014) Post-Soviet elite: institutionalisation and recruitment. In: *Politicheskie instituty Rossii i Francii: tradicii i sovremennost'*. Ed. by D.V. Efremenko, N.Y. Lapina Moscow: INION RAN: 203–228. (In Russ.)
- Federalism and centralization (2007). Ed. by K.V. Kiselev. Ekaterinburg: UrO RAN. (In Russ.)
- Gimpelson V.E., Monusova G.A. (2014) Perception of Inequality and Social Mobility. *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Higher School of Economics Economic Journal]. Vol. 18. No. 2: 216–248. (In Russ.)
- Goffman E. (2017) *Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings*. Moscow: Elementarnye formy. (In Russ.)
- Grigoryan D.K., Krickaya A.A. et al. (2020) Centralisation of power as a result of the development of Russia's modern elite. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanij* [Theories and problems of political research]. Vol. 9. No. 2A: 24–31. (In Russ.)
- Hirschman A.O., Rothschild M. (1973) The changing tolerance for income inequality in the course of economic development: With a mathematical appendix. *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 87. No. 4: 544–566.
- Kryshatanovskaya O.V. (1989) *Engineers: formation and development of a professional group*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Kryshatanovskaya O.V. (2005) *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: Zaharov. (In Russ.)
- Kryshatanovskaya O.V., Lavrov I.A. (2023) Higher education in Russia: elite vs elitist? *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya* [The Universe of Russia. Sociology. Ethnology]. Vol. 32. No. 4: 138–159. (In Russ.)
- Lapina N. Yu. (2008) Centralisation of power in Russia: how was the political project implemented? *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie processy* [Pro Nunc. Modern political processes]. Vol. 8. No. 1: 137–149. (In Russ.)
- Lavrov I.A. (2023) *Institutionalisation of political and managerial elite formation in modern Russia*. Moscow: RGGU. (In Russ.)
- Lavrov I.A., Kryshatanovskaya O.V. (2023) Social mobility and the Leaders of Russia competition. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)* [Ars Administrandi (The Art of Administration)]. Vol. 15. No. 2: 292–310. (In Russ.)
- Levashov V.K., Velikaya N.M. et al. (2024) *How are you living, Russia?* Express Information. 54th stage of sociological monitoring, April 2024. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Makimoto T., Manners D. (1997) *Digital Nomad*. New Jersey: Wiley.
- Nikolis G., Prigozhin I.R. (1990) *Cognition of the complex*. Moscow: Mir. (In Russ.)
- Odum E.P. (1986) *Ecology*. Moscow: Mir. (In Russ.)
- Palitaj I.S., Popova S.Y., Selezneva A.V. (2020) Recruitment of Young Political Leaders in Modern Russia: Channels, Forms, Technologies. *Vestnik TGU* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 455: 68–77. (In Russ.)
- Pareto W. (2008) *Compendium of general sociology*. Moscow: NIU VSHE. (In Russ.)
- Pokatov D.V. (2014) Political Recruitment in Russia (XX - early XXI century). *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser. «Sociologiya. Politologiya»* [Herald of Saratov university. New series. Ser. "Sociology. Political Science"]. Vol. 14. No. 3: 19–23. (In Russ.)
- Putnam R.D. (1976) *The Comparative Study of Political Elites*. New Jersey: Prentice-Hall.
- Rosstat. (2024) Socio-economic situation in Russia. January-April 2024. Moscow: Rosstat. (In Russ.)
- Sergeev V.M. (1999) *Democracy as a negotiation process*. Moscow: MONF. (In Russ.)
- Simmel G. (2018) *The great cities and the life of the spirit*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2005) *Social mobility*. Moscow: Academia. (In Russ.)
- Tev D.B. (2016) Russia's Federal Administrative Elite: Career Paths and Recruitment Channels. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 4: 115–130. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2021) *Subjective Stratification of Russian Society: State, Dynamics, Key Problems: Analytical Report*. Moscow: HSE. (In Russ.)
- Urry J. (2012) *Mobilities*. Moscow: Praktis. (In Russ.)
- Voronkova O.A., Sidorova A.A., Kryshatanovskaya O.V. (2011) The Russian Establishment: ways and methods of renewal. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 1: 66–79. (In Russ.)
- Zubarevich N.V. (2014) Regional Development and Regional Policy in Russia. *Vserossiiskij ekonomicheskij zhurnal EKO* [All-Russian Economic Journal ECO]. No. 4 (478): 7–27. (In Russ.)